
РЕЦЕНЗИИ И ИНФОРМАЦИЯ

Н. И. ГУБАНОВ

СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Павлов, А. В. Логика и методология науки: современное гуманитарное познание и его перспективы: уч. пособ. – М., 2010. – 344 с.

Одна из новых дисциплин в учебном плане подготовки магистров гуманитарных специальностей – «Логика и методология науки». Поэтому выход в свет этого пособия следует всячески приветствовать. Свою книгу профессор А. В. Павлов именует учебным пособием с элементами монографического исследования (с. 9). Но точнее ее следовало бы назвать научной монографией с элементами учебного пособия. Ясный стиль изложения и хороший литературный язык делают эту книгу доступной подготовленным студентам, магистрантам и аспирантам. Работа А. В. Павлова не только учебное пособие, но и глубокое научное исследование проблем науки вообще, гуманитарного познания в частности. И это закономерно: книга по новой дисциплине – всегда научная работа, требующая осмысления ее предмета и обобщения материала, представленного в изучаемых в ней пока нерешенных проблемах.

Автор успешно реализует основную цель – показать направления, в которых в XX и XXI вв. разворачиваются методологические поиски гуманитарных наук. А. В. Павлов полагает, что «преодоление постмодернистского кризиса и рождение новой рациональности возможно лишь при условии сохранения основных достижений рационализма Просвещения в качестве интеллектуальной традиции» (с. 86). Должно произойти «преодоление классического теоретизма по его собственным законам» (с. 85). Достоинством книги является то, что автор пытается создать образ методологии гумани-

Философия и общество, № 3, июль – сентябрь 2011 198–204

тарных наук на основе достижений современной плюралистической мировой философии. Чувствуется, что за написанным в этой книге лежат длительные и, по-видимому, порой мучительные размышления. В их ходе автором выявлялись новые точки роста философских знаний, которые могут составить современную методологию гуманитарного познания.

В книге хорошо и убедительно показано стратегическое значение философских идей для науки (гл. 1). Использован синергетический подход для объяснения социальных процессов, но весьма абстрактно. Хаос определяется как совокупность случайных взаимодействий, а порядок – как детерминация поведения элементов организацией системы. Хотелось бы получить дополнительные разъяснения, чем конкретно в социуме представлены хаос и порядок, как определять их меру или рациональную пропорцию. Какой прирост знания о социуме дают эти понятия по сравнению с категориями «случайность-необходимость» и «свобода-необходимость»?

Методологически важным представляется введенное А. В. Павловым понятие социокультурной парадигмы. В картине общественной жизни, представленной в книге на рис. 1 (с. 60), она занимает центральное место. Социокультурная парадигма – это реальное основание социальной системы, совокупность разделяемых в той или иной степени каждым членом общества представлений о человеке, мире и их соотношении. Эта парадигма складывается в результате экзистенциального диалога всех субъектов и в последующем обуславливает систему норм общественной жизни. Хотелось бы знать, в каком отношении находится понятие социокультурной парадигмы к категориям мировоззрения, национального (регионального) менталитета, массового сознания, общественной психологии? И еще: в чем эвристичность понятия ризомы, упомянутого там же? Как оно соотносится с понятием системы? Ризома – это грибница. Все общество – ризома или в нем элементы ризомности, связанные с хаосом? Нет ли здесь опасности суперредукционизма – сведения социального к биологическому?

Ценными представляются исследование А. В. Павловым перехода от субъект-объектной социокультурной парадигмы Нового времени к современной парадигме и его гипотеза о преодолении последней парадигмой гуманитарного исследования «Я и Другой» (гл. 2). Интересно бы сопоставить это с понятием В. С. Степина

«человекообразные системы», которые, по его мнению, изучаются в постнеклассической науке.

Полезным, даже незаменимым для аспирантов, да и зрелых исследователей пособием по культуре научного познания может служить глава 3 «Структура научного исследования». В ней четко, ясно и аргументированно сформулированы основные требования к научному исследованию: проблемность, предметность, обоснованность опытом, наличие методологии, особый язык, результат как решение проблемы, ограничения в соответствии с принципом конкретности истины. Здесь же раскрыты и особенности гуманитарных наук, заключающиеся, в частности, в необходимости анализа не только предмета науки, но и познающего субъекта, позиция которого влияет на результат.

В главе 4 рассматривается методологическое значение категорий пространства и времени. Автору удается прояснить многие сложные аспекты соотношения глобализации и регионализации в мире. Читатель убедительно подводится к мнению о нерациональности изоляции России и ее конфронтации с Западом, о необходимости нашей страны включаться в глобальный экзистенциальный диалог и международную интеграцию, но вместе с тем сохранять и развивать российскую культуру. Отрадно, что книга имеет оптимистическую направленность. Автор, в частности, полагает, что в остром диалоге российских субъектов «интегральный образ России уже начинает проступать из тумана» (с. 163). Он также предполагает, что, «возможно, по прошествии столетий все цивилизации на нашей планете интегрируются» (с. 173). Быть может, в эту главу полезно было бы добавить описание субъективного пространства и времени, зависящих от психического состояния субъекта.

В главе 5 показано, какую роль в гуманитарном познании играет субъективность – теоретическая система, с позиций которой ведется исследование. Здесь же А. В. Павлов излагает свои оригинальные, развиваемые в течение многих лет и нашедшие отражение во многих научных публикациях взгляды по проблеме межцивилизационной эпохи. Состояние российской субъективности в период с 1985 г. и по сей день автор и квалифицирует как межцивилизационную эпоху – время смены *всех* норм и переоценки *всех* ценностей, полного культурного переворота. Данную проблему обсужда-

ли А. С. Ахиезер, В. С. Степин и др. Концепция А. В. Павлова отличается своей конкретностью. Он показывает, что эта эпоха, охватывающая жизнь не менее трех поколений, имеет следующие основные черты: персонификацию (возможность для человека быть самим собой), дезориентацию (растерянность в новом мире), концентрацию (принятие решений при отсутствии объективных ориентиров).

В главе 6 представлены трудности изучения человеческой индивидуальности, показано, что тенденция новой рациональности представляет систему задач в виде «ментального портрета» современного субъекта. Здесь же раскрыта роль экзистенциального общесоциологического диалога в формировании комплементарного социокультурного субъекта, служащего условием существования общества. Было бы желательно показать, чем экзистенциальный диалог отличается от других видов диалога, хорошо бы привести и примеры. А то возникает впечатление, что любой диалог – экзистенциальный.

В главе 7 в качестве признаков научности гуманитарного познания выделяются проблемность, предметность, методологичность, доказательность, объективность, систематичность. Думается, здесь произошло некоторое смешение разных критериев. Кроме доказательности и систематичности другие признаки могут быть присущи и вненаучному знанию (обыденному, художественному, псевдонаучному). Беспредметного знания нет. Объективность – характеристика любого знания, всякое знание, даже заблуждение, соответствует своему объекту, иначе оно не будет знанием. Но соответствие может быть разным: если знание соответствует сущности объекта, то это истинное знание. Его еще можно назвать адекватным знанием (от латинского «*adaequatus*» – *вполне* соответствующий)¹. Если же имеющееся знание соответствует только каким-то внешним проявлениям предмета (кажимости, или видимости) и не соответствует его сущности, то это неадекватное знание, или заблуждение (например, геоцентрическая система, учение о теплороде)². Поэтому в тех местах книги, где объективность понимается

¹ См.: Современный словарь иностранных слов. – М., 1993. – С. 21.

² См. подробнее: Царегородцев, Г. И., Шингаров, Г. Х., Губанов, Н. И. История и философия науки. – М., 2010. – С. 10–12.

как истинность (не обязательно абсолютная), надо бы писать вместо «объективность» «адекватность». Например, параграф 7.2 (с. 218), по моему разумению, надо бы именовать «Проблема предметности и адекватности в гуманитарном познании». Но в критерий научности адекватность включать нельзя, поскольку в науке неизбежно есть и заблуждения. Переименование нетрудно, надо только пояснить, что адекватность (истинность) – соответствие знания не просто объекту, а его сущности. Естественно, адекватность тоже может быть разной степени. А там, где идет речь о независимом от сознания субъекта существовании предмета, следует оставить термин «объективное» (это онтологическая объективность в отличие от гносеологической). О терминологии, конечно, нужно хорошо подумать.

Следует, как мне представляется, выделять и не смешивать 4 ряда критериев, хотя они частично пересекаются. По моей версии они следующие: 1) приведенные выше критерии культуры научного исследования и правил его оформления: проблемность, предметность, обоснованность опытом, наличие методологии, особый язык, результат как решение проблемы, ограничения в соответствии с принципом конкретности истины (замечательно описаны в гл. 3 обсуждаемой книги); 2) критерий научности знания: доказательность, непротиворечивость, эмпирическая *проверяемость* (верификация и фальсификация), воспроизводимость эмпирического материала, системность, эссенциальность, общезначимость, способность к развитию³; 3) критерии истинности знания: эмпирическая *подтверждаемость-верификация* (посредством наблюдения, эксперимента, других видов практики), доказательность, эвристичность, соответствие научной картине мира, простота, красота (хорошо описаны в параграфе 7.5.1 обсуждаемой книги)⁴; 4) критерий, что научная дисциплина самостоятельна, а не часть или прикладной раздел другой: особые (специфические) предмет, проблемы, методы, язык⁵.

В этой же главе автор показывает роль личного экзистенциального опыта в гуманитарном познании. Он полагает, что объектив-

³ Царегородцев, Г. И., Шингаров, Г. Х., Губанов, Н. И. Указ. соч. – С. 10–12, 270–273.

⁴ См.: Там же. – С. 170–177.

⁵ См.: Там же. – С. 224.

ность (лучше бы сказать «адекватность») в гуманитарных науках понимается как устойчивость экзистенциального состояния, всесторонность, непредвзятость, нейтральность предмета по отношению к исследователю, знание о причинах экзистенциальных состояний Другого субъекта. И «статусом... объективности... обладает не теория... а все множество теорий» (с. 223). Я бы только уточнил: «максимальной объективности». Действительно, каждая теория – относительная истина, а вместе они адекватнее отражают свой предмет. Правда, возникает вопрос: а кто суперсубъект, интегратор этой максимальной объективности, кто ее переживает? Возможно, в этой главе следовало бы сказать об эмпатии, симпатии, интроспекции и родстве гуманитарных наук искусству.

В главах 8 и 9 описываются развитие гуманитарной методологии в XX в. и постмодернистский прообраз методологии (феноменология, психоанализ, экзистенциализм, герменевтика, структурализм, взгляды Лиотара, Делёза и др.). Хотелось бы, чтобы произведенный там обзор имел и критический компонент: все эти учения и направления имеют сильные и слабые стороны, есть там и то, что неприемлемо в методологическом отношении для гуманитарного познания.

Имеются и еще некоторые замечания и вопросы. Непонятным является выражение: «...В психологии... позитивная информация не является знанием» (с. 22). Автор не дает определения ни информации, ни знания. Я предполагаю следующее: информация – это адекватное отражение, которое может быть использовано для создания моделей несуществующих, но возможных явлений и их последующей реализации. Есть много видов информации, в том числе генетическая, нейрофизиологическая, техническая и др. Информация в виде психических образов (восприятий, понятий, теорий и др.) – это знание. Результат любых наук – знание, а в психологии знание особое.

Автор пишет, что «наука – занятие исключительно рациональное» (с. 22). А интуиция, а восприятия при наблюдении (как критерии истины), а наглядные модели, а вера, эмоции, честолюбие ученого, без которых он ничего не сделает? Думается, что любая активность человека – единство рациональных и иррациональных форм.

Хотелось бы получить дополнительное разъяснение о том, в чем сейчас кризис рациональности – в том, что много нерешенных проблем? Но разве их когда-либо не было? В книге идет речь о кризисе классической рациональности (с. 24 и др.), но В. С. Степин и другие авторы выделяют после классической неклассическую и постнеклассическую рациональность. Предполагается, что кризис классической рациональности уже преодолен. А сейчас кризис какой рациональности? Или в естественных и гуманитарных науках по-разному? Хорошо бы также, чтобы автор разъяснил, в каком отношении дисциплина «Логика и методология науки» находится к дисциплине «Философия науки».

Замечания свидетельствуют об актуальности обсуждаемой работы, концентрирующей в себе важные проблемы логики и методологии науки. Вырисовываются и перспективы дальнейшего развития авторской концепции методологических оснований гуманитарного познания и межцивилизационной эпохи. Издана книга, которая будет весьма полезной студентам, аспирантам, преподавателям, научным работникам. Хотелось бы видеть переиздание этой работы в формате научной монографии.